

Институт восточных рукописей Российской академии наук
Восточный факультет СПбГУ
Институт Конфуция в СПбГУ

7-я всероссийская научная конференция молодых
востоковедов

Китай и соседи

3–4 марта 2022 г., Санкт-Петербург

Сборник материалов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2022

УДК 294.311+294.321+327+321+355/359+7.011+902.03+94+82.01+821.521

ББК 63+65+66+68+71+79+83+85.1+86.3

CENTER FOR LANGUAGE
EDUCATION AND COOPERATION
教育部中外语言交流合作中心

中国国际
中文教育基金会
Chinese International
Education Foundation

*Издание подготовлено при поддержке ДОП «Институт Конфуция в СПбГУ»,
Столичного педагогического университета (КНР), Центра языкового образования и
сотрудничества (КНР) и Международного образовательного фонда китайского
языка (КНР)*

Утверждено к печати Ученым советом ИВР РАН

СОСТАВИТЕЛИ

Т. А. Пан, Д. И. Маяцкий, В. В. Щепкин

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

канд. ист. наук В. Ю. Климов (ИВР РАН)

канд. ист. наук А. Ю. Сеницын (МАЭ РАН)

Печатается в авторской редакции

Китай и соседи. Сборник материалов 7-й всероссийской научной конференции молодых востоковедов. Сост. Т. А. Пан, Д. И. Маяцкий, В. В. Щепкин. — СПб.: изд-во Art-Xpress, 2022. — 298 с.

В настоящем сборнике представлены статьи, подготовленные участниками 7-й всероссийской научной конференции молодых востоковедов «Китай и соседи», состоявшейся 3–4 марта 2022 г. в ИВР РАН. Тематика статей охватывает широкий круг вопросов: история, литература, международные отношения, искусство Китая и других стран Восточной и Юго-Восточной Азии.

ISBN 978-5-4391-0779-7

9 785439 107797 >

Заказ 32429 Тираж 50 экз

Отпечатано

в «Издательство «Арт.Экспресс»

тел. 331-33-22

199155, Санкт-Петербург, В.О., ул. Уральская, 17, к. 4

e-mail: zakaz@art-xpress.ru

ISBN 978-5-4391-0779-7

© Авторский коллектив, 2022

© Институт восточных рукописей РАН, 2022

© Восточный факультет СПбГУ, 2022

Все права защищены

Хачатурян Софья Вадимовна
студентка 5 курса департамента востоковедения и
африканистики НИУ ВШЭ – СПб¹

Халлю в Китае

В настоящее время популярная культура Южной Кореи обрела известность не только в азиатском регионе, но и во всем мире. Для обозначения процесса экспорта массовой культуры Республики Корея (далее – РК) за рубеж применяется термин «корейская волна» или халлю. Особое международное признание приобрели такие продукты корейской креативной сферы, как К-поп (корейская популярная музыка) и драмы (корейские сериалы).

Распространение халлю в Азии началось с успеха сериала «Что такое любовь?»² в Китае, после чего корейские драмы стали пользоваться популярностью у китайской публики. Сам термин «корейская волна» был впервые введен в оборот тайваньской газетой «Китайские хроники» в 1997 г., а по отношению к южнокорейской популярной культуре стало применяться в 1999 г., после выхода в «Пекинской молодежной газете» статьи «Временами и восточный ветер дует на восток» (Лачина 2014, с. 148).

Поскольку именно Китай стал первой страной, в которую экспортировались продукты корейской креативной сферы, кейс восприятия контента халлю в КНР заслуживает более пристального внимания. Кроме того, в отечественной литературе данная проблема изучена недостаточно глубоко, что и обуславливает актуальность настоящего исследования.

Цель данной работы — выявить специфику восприятия контента халлю в Китае. Для ее достижения были поставлены следующие задачи: изучить стадии процесса рецепции «корейской волны» в Китае, определить методы и формы восприятия корейских культурных продуктов и проанализировать причины и методы ограничения экспорта халлю в КНР.

Методология настоящего исследования базируется на применении метода кейс-стади. С его помощью были выявлены особенности механизмов рецепции контента халлю в Китае. Кроме того, был задействован диахронический метод, позволивший проследить эволюцию халлю в период с конца 1990-х гг. по настоящее время и составить периодизацию процесса восприятия продуктов «корейской волны». Также в ходе изучения аудиовизуальных источников (телесериалов, музыкальных клипов и т.д.) применялся метод контент-анализа.

¹ Научный руководитель — к. и. н. Н. В. Григорьева.

² «사랑이 뭐길래», транслировался в 1991–1992 гг. на канале MBC.

Процесс рецепции халлю в Китае

Процесс восприятия контента халлю в Китае начался в конце 1990-х гг. и происходил крайне неравномерно, разделившись в общей сложности на пять периодов (Park, Lee, Seo, 2019, p. 144–152). Первый этап (конец 1990-х – середина 2000-х гг.) характеризовался невероятным подъемом популярности продуктов «корейской волны», достигшим пика в 2005 г. после показа сериала «Жемчужина дворца»³ (Ibid, p. 144–145). Несмотря на быструю рецепцию корейского медиаконтента в конце 1990-х гг., обусловленную, прежде всего, культурной близостью Китая и Кореи, на втором этапе (2006–2012 гг.) наблюдалось резкое падение интереса к продуктам халлю, в связи с ограничениями, наложенными ГУППРКТ КНР⁴ на трансляцию иностранных телепрограмм⁵. Отрицательная динамика сохранялась в течение продолжительного времени, однако после трансляции в 2013–2014 гг. дорам «Наследники»⁶ и «Человек со звезды»⁷ на китайских онлайн-платформах, а также создания китайских версий нескольких корейских развлекательных программ популярность контента «корейской волны» снова стала увеличиваться. Хотя третий этап (2013 – 2015 гг.) превзошел успех предыдущих и оказался самым удачным и в культурном, и в коммерческом измерениях, длился он недолго, закончившись полномасштабной блокадой южнокорейской продукции — как культурной, так и товарной — после развертывания летом 2016 г. на Корейском полуострове системы ТНААД для противодействия ядерной угрозе со стороны КНДР (Park, Lee, Seo, 2019, p. 150). Правительство КНР, расценив данные действия как опасность с точки зрения национальных интересов своей страны, ввело негласные ограничения на корейскую поп-культуру, действовавшие вплоть до конца 2021 г. В настоящее время рецепция халлю в Китае вступает в новый этап, наблюдается постепенное снятие запрета на контент южнокорейской культурной индустрии.

Трансформация контента «корейской волны»

Говоря о процессе рецепции, необходимо отметить, что на протяжении его периодов корейский контент не оставался неизменным, а подвергался определенным трансформациям. Начав с импорта продуктов «корейской волны» и простого перевода их на китайский язык, ведущие акторы индустрии развлечений КНР постепенно изменили свою стратегию восприятия халлю в сторону адаптации контента корейской поп-культуры под вкусы собственного зрителя.

Одним из первых методов подобной адаптации выступили ремейки популярных корейских дорам и телешоу. Данный способ рецепции вначале представлял скорее

³ «대장금», 2003–2004 гг.

⁴ Государственное управление прессы, публикаций, радио, кино и телевидения КНР, с 2018 г. – Национальное управление радио и телевидения КНР.

⁵ В 2005 году постановлением ГУППРКТ КНР китайским телеканалам было запрещено транслировать корейские дорамы больше 20 часов в год.

⁶ «상속자들», 2013 г.

⁷ «에서 온 그대», 2013–2014 гг.

копирование, чем производство нового продукта. Так в 2011 г. на экраны вышла китайская версия⁸ корейской драмы «Осень в моем сердце»⁹. Затем, в 2013–2014 гг., китайские компании начали массово выкупать права на самые популярные корейские телешоу (Chai, 2018, p. 35), в числе которых были «Бегущий человек»¹⁰ и «Я певец»¹¹. Пик производства ремейков пришелся на 2015 г., когда в эфир вышли адаптации сериала «Мужчина королевы Инхён»¹² и фильма «Слепая»¹³. На четвертом этапе рецепции возникает явление «обратных ремейков», когда корейские продюсеры выпускают свои версии китайских сериалов. Примером может служить драма «Лунные влюблённые – Алые сердца: Корё»¹⁴, являющаяся адаптацией китайского сериала «Поразительное на каждом шагу»¹⁵.

Еще одним методом рецепции контента халлю является совместное кинопроизводство. Что касается корейско-китайских отношений в данной сфере, следует отметить, что вначале китайская сторона лишь помогала корейской подбирать подходящие места для съемок, однако впоследствии это переросло во взаимовыгодное сотрудничество между киноиндустриями двух стран. В настоящее время в процессе производства задействуется персонал с обеих сторон, особенно часто китайские продюсеры приглашают на главные роли популярных корейских актеров (Jang, 2012, p. 105) («Озорная принцесса»¹⁶ – Чан Нара, «Относительная любовь»¹⁷ – Пак Хэчжин, «Девушка-вихрь 2»¹⁸ – Чжи Чанук).

Кроме того, во время третьего периода рецепции халлю в Китае сотрудничество между китайской и корейской медиаиндустриями выходит на новый уровень: с 2014 г. китайские компании не только в большом количестве приобретают лицензии на дистрибуцию корейских дорам, но и скупают доли в крупных корейских кинокомпаниях. К примеру, Sohu инвестировала 15 млн долларов в корейскую компанию KeyEast, занимающуюся продвижением артистов халлю (Park, Lee, Seo, 2019, p. 147).

Что касается музыкальной индустрии, существует тенденция дебюта китайских исполнителей сначала в Корее, а уже затем в Китае. Корейские компании организуют глобальные прослушивания, в том числе и в КНР, где при помощи местных агентств отбирают стажеров для будущих К-поп групп. Именно так проходил набор в одну из самых успешных групп халлю EXO, четверо из участников которой – китайцы. Наличие

⁸ «一不小心爱上你», 2011 г.

⁹ «가을동화», 2000 г.

¹⁰ «런닝 맨», 2010 г. – настоящее время, ремейк – «奔跑吧兄弟», 2014 г. – настоящее время.

¹¹ «나는 가수다», 2011 г. – настоящее время, ремейк – «我是歌手», 2013 г. – настоящее время.

¹² «인현왕후의 남자», 2012 г., ремейк «Любовь сквозь тысячелетие», «相爱穿梭千年», 2015 г.

¹³ «블라인드», 2011 г., ремейк – «Свидетель», «我是证人», 2015 г.

¹⁴ «달의 연인-보보경심 려», 2016 г.

¹⁵ «步步惊心», 2011 г.

¹⁶ «刁蛮公主», 2005 г.

¹⁷ «恋爱相对论», 2014 г.

¹⁸ «旋风少女第二季», 2016 г.

подобной тенденции обуславливается прежде всего высоким уровнем профессиональной подготовки корейских развлекательных агентств: молодые люди хотят дебютировать в РК, так как вероятность успеха в этом случае гораздо выше, а последующее продвижение на китайском рынке проходит значительно легче (Chai, 2018, p. 36).

В последние годы китайская сторона начала активно перенимать опыт корейских специалистов в сфере создания продуктов массовой культуры и, опираясь на него, создавать собственную индустрию продюсирования айдолов. В качестве наиболее эффективного способа поиска талантливых артистов используются шоу на выживание, доказавшие свою продуктивность на корейской сцене. Среди них – китайская версия проекта Produce 101¹⁹, четвертый сезон²⁰ которой вышел на экраны зимой 2021 г. Среди наставников Produce Camp 2021 присутствовала Эмбер Лю, участница К-поп группы f(x).

Ограничение импорта халлю: причины и методы

Несмотря на огромный успех «корейской волны» во всем мире, в Китае в разные периоды наблюдается целенаправленное противодействие ее распространению. Восприятие халлю осложняется ограничениями, которые накладывает как правительство, так и само общество: за социальным протестом часто следуют политические и правовые меры.

Движение анти-халлю зародилось в Китае еще во время первого этапа рецепции. Уже в середине 2000-х гг., когда рейтинг одного из самых популярных продуктов «корейской волны», сериала «Жемчужина дворца», был на пике, в китайском обществе появились анти-корейские настроения, связанные с опасениями по поводу вытеснения китайского медиаконтента корейским (Jang, 2012, p. 107). Первые официальные ограничения в отношении халлю были введены в связи с общественным недовольством, однако последующее ужесточение мер, направленных на сокращение трансляции корейских дорам на китайском телевидении, имело куда более серьезные причины. Когда «корейская волна» начала получать государственную поддержку, а основной ее целью стало продвижение южнокорейского культурного стандарта на территории Азии, произошло столкновение медиасфер РК и КНР, также стремившейся к культурному доминированию в регионе (Jeong, 2012, p. 88).

На протяжении всего второго этапа рецепции «корейская волна» периодически подвергалась ожесточенной критике как с позиции китайской индустрии развлечений, так и со стороны интернет-пользователей. Антагонистические настроения в отношении халлю нередко перерастали в культурный национализм и призывы бойкотировать ее контент, но все изменилось со вступлением в третий этап рецепции.

¹⁹ «프로듀스 101», 2016 г. – настоящее время.

²⁰ «创造营 2021», 2018 – настоящее время.

Широкомасштабное сотрудничество в сфере производства культурных продуктов принесло пользу обеим сторонам, а прежние конфликты медиасфер, казалось, были улажены.

Однако, когда 8 июля 2016 г. в РК была размещена американская система ПРО THAAD, политические интересы Китая и Южной Кореи столкнулись вновь, что повлекло за собой негласный запрет халлю на территории КНР. Уже в августе были отменены показы нескольких корейских дорам, концерты EXO в Шанхае, а также ряд других мероприятий, запланированных корейскими артистами. Помимо этого, сцены с участием звезд «корейской волны» были вырезаны из всех шоу, сериалов и фильмов, в которых они принимали участие. Разорваны были и рекламные контракты с южнокорейскими знаменитостями: компании-производители мобильных телефонов Oppo и VIVA заменили Чон Чжихён и Сон Чжунки, ранее являвшихся лицами их брендов, актерами китайского происхождения Анджелой Бейби и Эдди Пэном (Park, Lee, Seo, 2019, p. 151).

Некоторые исследователи полагают, что запрет на «корейскую волну» в действительности был наложен не из-за политического конфликта, а по той же причине, что и ранее – из-за столкновения медиасфер (Jeong, 2012, p. 93). Так или иначе действие запрета на халлю, несмотря на периодические послабления, продолжалось до конца 2021 г. Поскольку «корейская волна» никогда не была запрещена официально, трудно понять, когда ограничения будут сняты полностью, однако в настоящее время наблюдается положительная динамика в отношениях между культурными индустриями КНР и РК. Об этом можно судить по ряду косвенных факторов, в числе которых – выход в китайский прокат корейского фильма «О! Мун Хи»²¹ 3 декабря 2021 г. (Korean film, 2021) после почти шестилетнего перерыва в трансляции южнокорейского контента.

Выводы

В ходе исследования было выявлено, что процесс восприятия продуктов халлю в Китае происходил крайне неравномерно, разделившись в общей сложности на пять периодов. Часто рецепция искусственно замедлялась вследствие столкновения интересов культурной политики двух стран. В целом несмотря на то, что в Китай всячески препятствует культурной диффузии, степень адаптации и распространения продуктов халлю в стране очень высока, поскольку китайская сторона на протяжении многих лет активно перенимала корейский опыт с целью создания собственной индустрии развлечений. В связи с этим представляется, что дальнейшее исследование процесса рецепции «корейской волны» в КНР следует сфокусировать на особенностях китайской индустрии развлечений, ее связи с «корейской волной» и перспективах ее развития.

²¹ «오! 문희», 2020 г.

Список источников и литературы

Chai Danhong. The Korean Wave and its Influences under Korean Performing Arts Activities Ban in PRC, 2016 Both in China and South Korea. // ProQuest Dissertations Publishing. 2018. Pp. 1–68. [Электронный ресурс] URL: <https://search.proquest.com/openview/bb2178ea82e1960392b83721b72def7f/1.pdf?pq-origsite=gscholar&cbl=18750&diss=y> (дата обращения: 03.03.2022).

Jang Soo-Hyun. The Korean Wave and Its Implications for the Korea-China Relationship // Journal of International and Area Studies. 2012. Vol. 19. № 2. Pp. 97–113.

Jeong Jong-Ho. Ethnoscapes, Mediascapes, and Ideoscapes: Socio-Cultural Relations between South Korea and China // Journal of International and Area Studies. 2012. Vol. 19. № 2. Pp. 77–95.

Korean film 'Oh! My Gran' opens in Beijing // Yonhap News. 03.12.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://en.yna.co.kr/view/PYH20211203192100315> (дата обращения: 03.03.2022).

Park Ji-Hoon, Lee Yong-Suk, Seo Ho-Geun. The rise and fall of Korean drama export to China: The history of state regulation of Korean dramas in China // The International Communication Gazette. 2019. Vol. 81(2). Pp. 139–157.

Лачина Е.В. «Корейская волна» как проявление «мягкой силы» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. №2. С. 147–155.

Содержание

От составителей	3
<i>Авдюхова О. С.</i> Японская военная пропаганда в отношении Китая в период Японо-китайской войны 1937–1945 гг.: средства, методы и идеи	5
<i>Алексеева Е. В.</i> Использование результатов образовательных реформ во внешней политике КНР	8
<i>Анофриева Д. С.</i> Влияние традиционной литературы Кореи на становление жанра <i>манхва</i>	16
<i>Баллетта Альфредо.</i> Идеологи японского колониализма 1920-1940-х гг.	19
<i>Болотова А. А.</i> Роль игорного бизнеса в современной экономике Макао	24
<i>Бурсакова Д. Д.</i> Синтез японских и западных мотивов в научно-фантастической антиутопии Унно Дзюдза «Музыкальная ванна в 18:00»	30
<i>Виноградов И. С.</i> Концепт «красота» в китайском и японском языках	37
<i>Власов М. К.</i> Китайско-вьетнамская граница: история формирования и особенности функционирования	43
<i>Гавришьева Е. Г.</i> Неверидикативный подход к неопределённым экзистенциальным местоимениям в современном китайском языке	48
<i>Гольцман С. Е.</i> Первая Индокитайская война во французском кинематографе	53
<i>Горбунова В. А.</i> Основные подходы к трактовке аппликатива в современном китайском языке	59
<i>Даньшин С. А.</i> Гротеск как ведущий прием изображения гендерной проблематики в японской прозе начала XXI в. (на примере произведений Мотоя Юкико и Мурата Саяка)	65
<i>Дедюхина К. И.</i> Феномен популярности образа Сунь Укуна в китайском сценическом искусстве	71
<i>Дудников П. С.</i> Даосский трактат «Ду жэнь цзин» как результат диалога буддизма и культа предков	75
<i>Заикина Е. В.</i> Геополитическое влияние китайской миграции на торгово-экономические связи с восточными регионами Российской Федерации	81
<i>Закирова А. Ш.</i> Характеристика императорского костюма в трудах китайских учёных	85
<i>Зинченко А. В.</i> Концепт «Семи внешних и внутренних дел» в церемониях японского чайного комплекса «Семь ритуалов»	91

<i>Иванов А. А.</i> Цинский фактор в англо-вьетнамских отношениях в конце XVIII – начале XIX вв.	97
<i>Клементьева Т. В.</i> Переоценка понятия «гегемон» ба 霸/伯 в трактате Ин Шао «Фэн су тун и»	103
<i>Коваль А. В.</i> Проблема буллинга в произведениях современных южнокорейских авторов	109
<i>Колотова Н. В.</i> Роль Государственного комитета по делам вьетнамцев за рубежом МИД СРВ в формировании «мягкой силы»	112
<i>Кузовков М. А.</i> Волны COVID-19 в Японии: вызовы и стратегии	117
<i>Лекарева Е. П.</i> Национализм на Западе, в Индии и Японии в понимании Рабиндраната Тагора: роман “Четыре части” как твердое “нет” идее Нации	120
<i>Лобачева В. А.</i> Сравнительное изучение китайских переводов христианских молитв иеромонаха Даниила (Сивиллова) и православных миссионеров XIX — начала XX вв.	124
<i>Ляхов М. В.</i> Жизнь и творчество Ли Юя	129
<i>Машутова О. С.</i> Жанр политической карикатуры в Китае	135
<i>Меркулова К. Е.</i> Лидерская дипломатия Синдзо Абэ (на материале выступлений премьер-министра по внешнеполитическим вопросам за 2012–2020 гг.)	140
<i>Наркевская П. Д.</i> История развития традиционного китайского обряда <i>коутоу</i>	148
<i>Никитина Д. А.</i> Россия и Китай в Арктике: вызовы и перспективы сотрудничества	154
<i>Носов В. А.</i> Экспорт маоизма: формы, закономерности и особенности	157
<i>Пастухова С. И.</i> Японская традиционная татуировка в эпоху Мэйдзи: культурное взаимодействие Востока и Запада	164
<i>Пудова А. В.</i> Попытка реализации теории «географии масштаба» в префектурах Осака и Окинава	169
<i>Рассолова Д. В.</i> Новые данные о реликвиях с затонувшего китайского судна «Наньхай-1»	175
<i>Реунова В. А.</i> Стремление китайских и японских потребителей к экономии и накоплению: культурные истоки и современный характер потребления	181
<i>Русак Д. В.</i> Российско-китайские экономические отношения в постковидную эпоху: динамика и перспективы	187

<i>Рябышев П. Д.</i> О проблеме происхождения ароматических печатей в Китае	192
<i>Саакян П. А.</i> Совместные проекты Италии и Китая в сфере образования, науки и культуры в начале XXI в.	197
<i>Сёмочкина А. С.</i> Символизм XXIV Олимпийских игр в контексте внутри- и внешнеполитической повестки Китайской Народной Республики	202
<i>Смирнова А. А.</i> Собака, волк и крыса как образы <i>яо гуай</i> на примере культурной традиции минского Китая	209
<i>Соколов Д. В.</i> «Правдивые записи о Чингисхане» Нака Митиё: к истории создания труда и его роли в развитии японской исторической науки	215
<i>Солопов Н. И.</i> Влияние официальной китайской идеологии на взаимоотношения Японии и Китая в эпоху Тан	221
<i>Сорокина Ю. А.</i> О первых китайских журналах в Японии в конце XIX – начале XX вв.	225
<i>Станьева В. В.</i> Свадебный обряд в монгорском эпосе «Гэсэр»	230
<i>Стрючкова В. С.</i> Айнская топонимика Хоккайдо	235
<i>Табolina Л. М.</i> Особенности семантики некоторых номинаций сверхъестественных существ на материале Соу шэнь цзи («Записки о поисках духов») Гань Бао	239
<i>Теплюк И. А.</i> Своеобразие женских образов в романе Ло Гуаньчжуна «Троецарствие»	246
<i>Хачатурян С. В.</i> Халлю в Китае	252
<i>Чаплина Е. И.</i> Особенности современной религиозной политики КНР в отношении буддизма: экономический аспект	258
<i>Чуканова В. А.</i> Влияние традиционной экзаменационной системы на формирование социального портрета чиновничества эпохи Мин (1368–1644)	263
<i>Шавкунов Д. А.</i> Политическое влияние ислама в Китае до династии Цин	267
<i>Швецова А. А.</i> Роль Пакистана в отношениях Китая и Индии на современном этапе	271
<i>Шереметова В. Э.</i> Типология драконов на ханьских рельефах провинции Шаньдун	277
<i>Шкотов А. В.</i> Миграционная политика Японии в XX и XXI вв.	284
<i>Шохина Ю. О.</i> “Поворот России на Восток” в рамках взаимодействия России и Китая	288